

ЯЗЫК
СЕМИОТИКА
КУЛЬТУРА

*Анна А. Зализняк,
И. Б. Левонтина,
А. Д. Шмелев*

КЛЮЧЕВЫЕ ИДЕИ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2005

Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д.

З 55 Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст.
— М.: Языки славянской культуры, 2005. — 544 с. — (Язык.
Семиотика. Культура).

ISSN 1727-1630

ISBN 5-94457-104-7

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия устройства мира, или «языковую картину мира». Совокупность представлений о мире, заключенных в значениях разных слов и выражений данного языка, складывается в единую систему взглядов, которую, сами того не замечая, принимают все носители данного языка. Реконструкции такой системы представлений, заложенной в русском языке, посвящена данная книга. В нее вошли статьи трех авторов, в которых анализируются ключевые слова русской языковой картины мира – такие, как *душа, судьба, тоска, счастье, разлука, справедливость, обида, попрек, собираться, добираться, постараться, сложилось, довелось, заодно* и др. «Ключевыми» эти слова являются потому, что они дают «ключ» к пониманию русской языковой картины мира; одновременно они являются лингвоспецифичными, так как содержат в своем значении концептуальные конфигурации, отсутствующие в готовом виде в других языках (сравнение проводится с наиболее распространенными языками Западной Европы).

Работы, собранные в данной книге, написаны в период с 1994 по 2003 год; они объединены общностью наиболее важных методологических установок, при этом различаются по жанру и стилю и отчасти по используемому метаязыку. Статьи объединены в тематические разделы, соответствующие фрагментам русской языковой картины мира. В Приложении помещена статья Анны Вежбицкой, к чьим идеям в значительной степени восходит направление исследований, представленное в данной книге.

ББК 81.031

*В оформлении переплета использована картина Б. Кустодиева
«Масленица», 1919 г.*

© Авторы, 2005

© Ю. С. Сасевич. Оформление серии, 2005

© Языки славянской культуры, 2005

Оглавление

От авторов	9
----------------------	---

I. Место введения

<i>А. Д. Шмелев. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?</i>	17
<i>А. Д. Шмелев. Лексический состав русского языка как отра- жение «русской души»</i>	25

II. Пространство и время

<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Время суток и виды дея- тельности</i>	39
<i>А. Д. Шмелев. Широта русской души</i>	51
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Родные просторы</i>	64
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. На своих двоих: лексика пе- шего перемещения в русском языке</i>	76
<i>Анна А. Зализняк. Преодоление пространства в русской язы- ковой картине мира</i>	96
<i>А. Д. Шмелев. В поисках мира и лада</i>	110

III. Человек: душа и тело

<i>А. Д. Шмелев. Дух, душа и тело в свете данных русского язы- ка</i>	133
<i>Анна А. Зализняк. Счастье и наслаждение в русской языко- вой картине мира</i>	153
<i>Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. О пошло- сти и прозе жизни</i>	175

IV. Чувства и отношения

<i>Анна А. Зализняк. Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен</i>	<i>205</i>
<i>Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина. С любимыми не расставайтесь</i>	<i>226</i>
<i>И. Б. Левонтина. Милый, дорогой, любимый...</i>	<i>238</i>
<i>И. Б. Левонтина. «Достоевский надрыв»</i>	<i>247</i>
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Хорошо сидим! (Лексика начала и конца трапезы в русском языке)</i>	<i>259</i>
<i>И. Б. Левонтина. Помилосердуйте, братцы!</i>	<i>270</i>
<i>Анна А. Зализняк. Заметки о словах: общение, отношение, просьба, чувства, эмоции</i>	<i>280</i>
<i>А. Д. Шмелев. Дружба в русской языковой картине мира</i>	<i>289</i>

V. Намерения и дела

<i>Анна А. Зализняк, И. Б. Левонтина. Отражение «национального характера» в лексике русского языка</i>	<i>307</i>
<i>И. Б. Левонтина. Ното piger</i>	<i>336</i>
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Русское «заодно» как выражение жизненной позиции</i>	<i>345</i>

VI. Этические концепты

<i>И. Б. Левонтина. Звездное небо над головой</i>	<i>353</i>
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. Поперечный кус</i>	<i>358</i>
<i>И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. «За справедливостью пустой»</i>	<i>363</i>
<i>Анна А. Зализняк. О семантике щепетильности (обидно, со-вестно и неудобно на фоне русской языковой картины мира)</i>	<i>378</i>
<i>А. Д. Шмелев. Плюрализм этических систем в свете языковых данных</i>	<i>398</i>
<i>А. Д. Шмелев. Терпимость в русской языковой картине мира</i>	<i>410</i>
<i>Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. Компактность vs. рассеяние в метафорическом пространстве русского языка</i>	<i>424</i>

VII. Вместо заключения

- А. Д. Шмелев. Некоторые тенденции семантического развития русских дискурсивных слов (на всякий случай, если что, вдруг)* 437
- А. Д. Шмелев. Сквозные мотивы русской языковой картины мира* 452

VIII. Приложение

- А. Вежбицка (Канберра). Русские культурные скрипты и их отражение в языке* 467
- А. Д. Шмелев. Комментарии к статье Анны Вежбицкой* 500
- Указатель лексем 511
- Литература 525

От авторов

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и устройства мира, или языковую картину мира. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка.

Почему это так — почему говорящий на данном языке должен обязательно разделять эти взгляды? Потому что представления, формирующие картину мира, входят в значения слов в неявном виде, так что человек принимает их на веру, не задумываясь. Иначе говоря, пользуясь словами, содержащими неявные смыслы, человек, сам того не замечая, принимает и заключенный в них взгляд на мир. Напротив того, смысловые компоненты, которые входят в значение слов и выражений в форме непосредственных утверждений, могут быть предметом спора между разными носителями языка и тем самым не входят в общий фонд представлений, формирующий языковую картину мира. Так, из русской пословицы *Любовь зла, полюбишь и козла* нельзя сделать никаких выводов о месте любви в русской языковой картине мира, а можно лишь заключить, что козел предстает в ней как малосимпатичное существо.

Владение языком предполагает владение концептуализацией мира, отраженной в этом языке. Поскольку конфигурации идей, заключенные в значении слов родного языка, воспринимаются говорящим как нечто само собой разумеющееся, у него возникает иллюзия, что так вообще устроена жизнь. Но при сопоставлении разных языковых картин мира обнаруживаются значительные расхождения между ними, причем иногда весьма нетривиальные.

Так, носителям русского языка кажется очевидным, что психическая жизнь человека подразделяется на интеллектуальную и эмоциональную, причем интеллектуальная жизнь связана с *головой*, а эмоциональная — с *сердцем*. Мы говорим, что у кого-то

светлая голова или доброе сердце; запоминая что-либо, храним это в голове, а чувствуем сердцем; переволновавшись, хватаемся за сердце. Нам кажется, что иначе и быть не может, и мы с удивлением узнаем, что для носителей некоторых африканских языков вся психическая жизнь может концентрироваться в печени, так что они говорят о том, что у кого-то «умная печень» или «добрая печень», а когда волнуются, чувствуют дискомфорт в печени. Разумеется, это связано не с особенностями их анатомии, а с языковой картиной мира, к которой они привыкли.

Языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их инвариантных ключевых идей (так как они дают «ключ» к ее пониманию). Ключевые для русской языковой картины мира концепты заключены в таких словах как *душа*, *судьба*, *тоска*, *счастье*, *разлука*, *справедливость* (сами эти слова тоже могут быть названы ключевыми для русской языковой картины мира). Такие слова являются лингвоспецифичными (*language-specific*) — в том смысле, что для них трудно найти лексические аналоги в других языках. Наряду с такими культурно-значимыми словами-концептами к числу лингвоспецифичных относятся также любые слова, в значение которых входит какая-то важная именно для данного языка (т. е. ключевая) идея. Таковы, в частности, слова *собираться*, *добираться* (куда-то), *постараться* (что-то сделать); *сложилось*, *довелось*; *обида*, *попрек*; *заодно* и др. То, что некоторая идея является для данного языка ключевой, подтверждается, с одной стороны, тем, что эта же идея повторяется в значении других слов и выражений, а также иногда синтаксических конструкций и даже словообразовательных моделей, а с другой стороны — тем, что именно эти слова хуже других переводятся на иностранные языки. Заметим, что их переводные аналоги не являются подлинными эквивалентами именно ввиду отсутствия в их значении этих специфичных для данного языка идей. При этом часто в языке наряду с лингвоспецифичным словом имеется его «нейтральный» синоним — и он достаточно точно переводится на другие языки. Так, например, в русском языке имеются почти синонимы *собираться* и *намереваться* (нечто сделать). Первый является лингвоспецифичным и труднопереводимым, второй — нет. Аналогично устроены пары *постараться* и *попытаться* (нечто сделать), *стыдно* и *совестно*, *жалко* и *обидно* (уезжать).